

**PALEOPATHOLOGICAL FEATURES OF THE LATE BRONZE AGE POPULATION:
ANTHROPOLOGICAL SKELETAL MATERIALS EXCAVATED FROM BURIAL GROUNDS
NEAR THE VILLAGE OF KRASNOSAMARSKOYE, SAMARA REGION**

© 2019

Pererva Evgeniy Vladimirovich, candidate of historical sciences, head of Scientific Department
*Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russian Federation)*

Kapinus Yulia Olegovna, researcher of Volga-Ural Paleoanthropological Research Center
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper is devoted to the analysis of anthropological skeletal materials related to the Srubnaya culture and excavated in 2010 and 2018 in the mounds near the village of Krasnosamarskoye, Kinel'sky District of the Samara Region. One hundred and three skeletal remains were studied. In the course of the examination, a standard program for fixing pathological conditions on human bones was applied. As a result of the work, it was possible to establish that the population of the Late Bronze Age buried in the mounds near the village of Krasnosamarskoye had a high infant mortality rate and a relatively short men's life expectancy. In the studied skeletal series, a specific pathological complex in the dental system is found. It indicates that the diet consisted mainly of meat and dairy. Widespread markers of micronutrient deficiencies in the body were observed on the children's bones which is also an indicator of negative environmental and social factors such as famines or parasitic infestations. High frequency of discrete-varying characters on the bones of the postcranial skeleton indicates that a closely related population is buried in the mounds of the Krasnosamarsky IV burial ground. Specific traumatic injuries presence in buried skeletal remains as well as their positive correlation with diseases of the joints and spine allows us to assume its association with domestic or professional economic activity.

Keywords: paleoanthropology; paleopathology; diseases of ancient people; srubnaya culture; middle bronze age; burial grounds; Middle Volga; paleo demography; caries; tartar; hyperostosis frontalis interna; injuries; degenerative changes in joints and spine.

* * *

УДК 902.03

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14206

Статья поступила в редакцию 08.09.2019

**ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КАРТ
САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

© 2019

Сухова Олеся Константиновна, магистрант кафедры отечественной истории и археологии
Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье на общероссийском фоне рассматриваются первые попытки создания археологических карт Самарской и Симбирской губерний, организованные в Симбирске В.Н. Поливановым, в Самаре – В.А. Миллером и Ф.Т. Яковлевым на рубеже XIX–XX вв. Впервые вводится в научный оборот археологическая карта В.А. Миллера и М.А. Миллера и, благодаря неопубликованным архивным материалам, выявляются источники информации, используемые для составления археологической карты Симбирской губернии. На примере метода анкетирования описываются первые шаги в деле централизованного сбора сведений о памятниках старины в российской провинции в XIX в. Отмечается большая роль вопросных листов Центрального статистического комитета 1873 г. и Московского археологического общества 1888 г. при решении задачи создания археологических карт отдельных губерний, а также анкет Симбирской губернской ученой архивной комиссии 1896 г. – для карты Симбирской губернии. Указывается на временной разрыв между учреждением в Самаре и Симбирске губернских ученых архивных комиссий – организаций, которые, как правило, ведали не только вопросами сохранения и обработки архивных документов, но и занимались археологическими изысканиями и проводили мероприятия по изучению древностей. Резюмируется, что Самарская и Симбирская губернии находились на разных уровнях вовлеченности в общероссийские процессы, но, так или иначе, в обеих губерниях были заложены предпосылки для составления планов дальнейшего археологического изучения двух регионов.

Ключевые слова: анкета 1873 г.; анкета 1888 г.; археология; археологическая карта; В.А. Миллер; М.А. Миллер; вопросные листы 1896 г.; В.Н. Поливанов; губернская ученая архивная комиссия; губернский статистический комитет; метод анкетирования; Московское археологическое общество; памятники археологии; Самарская губерния; самарский музей; Самарское археологическое общество; Симбирская губерния; Ф.Т. Яковлев.

В настоящее время в России проблема сохранения исторического и культурного наследия волнует ученых не меньше, чем в XIX в., когда российская археологическая наука только начинала институализироваться.

Археологические памятники разрушались не только из-за природных факторов, но и в ходе строительства, сельскохозяйственных работ, намеренных грабительских раскопок. Одним из глав-

ных направлений в деле охраны археологических памятников является сбор информации о них, поэтому в XIX в. важным шагом в процессе исследования древностей стала постановка задачи по созданию археологической карты России.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что в последние годы активно составляются и пополняются базы данных археологических памятников, археологические карты регионов России и введение неопубликованных источников в научный оборот позволит лучше понимать процессы развития охраны культурного наследия.

Цель настоящего исследования – рассмотреть первые попытки создания археологических карт Самарской и Симбирской губерний при выявлении и описании археологических памятников в российской провинции на рубеже XIX–XX вв.

Исследование опирается на блок неопубликованных архивных источников, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Ф. 104) [1], Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (Ф. 4) [2–5], Государственном архиве Ульяновской области (Ф. 48, 76, 477, 732) [6–19] и Центральном государственном архиве Самарской области (Ф. 356, 429, 518) [20–22].

Исследования по истории становления археологической науки в России были начаты серией трудов А.А. Формозова [23]. Работы, посвященные самарским и симбирским научным организациям и музеям, принадлежат Т.В. Крайновой [24], А.Ф. Кочкиной, Д.А. Сташенкову [25–27], Д.В. Серых [28–30], М.Р. Гисматулину [31]. Создание провинциальных археологических карт и метода анкетирования как способа сбора информации о памятниках археологии, рассматривали С.П. Щавелев [32], В.Г. Миронов [33], А.С. Вдовин, С.В. Колонцов [34], О.К. Писарева (Сухова) [35] и др.

Одним из первых исследователей, начавших собирать сведения о древностях, был польский ученый Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий). Он начал собирать информацию о различных «городищах» и «городках» с первой четверти XIX в., а карта известных ему городищ была издана в 1871 г. [36, л. 4–7].

Вопрос о необходимости составления археологической карты России был поднят председателем Московского археологического общества А.С. Уваровым в 1864 г. Он считал, что карта должна представлять собой перечень случайных находок и содержать сведения о выявленных археологических памятниках губерний [37, с. V]. С тех пор и отдельные исследователи, и научные организации стали предпринимать действия для отыскания городищ, курганов, могильников, старинных построек и иных древностей. Эффективным способом сбора информации стало анкетирование. До этого, с начала XIX в., метод анкетирования в России использовался в области статистики Центральным и губернскими статистическими комитетами, в научных целях применялся Академией наук и Русским географическим обществом.

Выявление значительных возможностей анкетного метода в отечественной археологии связано с именем Дмитрия Яковлевича Самоквасова – профессора Московского, а затем Варшавского университе-

тов, а также управляющего Московским архивом Министерства юстиции. Так как проведение специальных разведочных экспедиций было затратным и не позволяло подробно изучать большие территории, Д.Я. Самоквасов решил, что поиск и сохранение информации помог бы осуществить специальный сбор сведений об археологических памятниках, содержащий описания их местонахождения, состояния и внешних форм.

В 1873 г. Д.Я. Самоквасов составляет анкету «О курганах и городищах». Анкета представляла собой 12 вопросов, 10 из которых были направлены на описание городищ и городков, а оставшиеся 2 вопроса посвящены курганам [5]. В том же году анкета была разослана Центральным статистическим комитетом при содействии его директора П.П. Семенова (Тян-Шанского). Анкету разослали по 49 губерниям и 5 отдельным областям страны. Сбором информации на местах занимались губернские статистические комитеты (ГСК), которые «в течение лета» через волостные правления собирали сведения о памятниках археологии [32, с. 258]. Заполненные анкеты ГСК отправляли в Центральный статистический комитет, который, в свою очередь, переправлял их Д.Я. Самоквасову.

Для некоторых ГСК анкетирование 1873 г. стало первым опытом сбора археологических сведений [29, с. 113]. Например, анкета 1873 г. послужила импульсом к изучению археологии в Саратове [33, с. 147–148].

Были составлены карты Владимирской губ. (А.С. Уваров), Витебской губ. (А.М. Семеновский-Курилло), Уральской губ. (А.В. Черников-Анучин), Прибалтийских губ. (К.И. Гревингк), Новороссийского края (П.О. Бурачков) и Кубанской области (Е.Д. Фелицын). Одни исследователи работали над разрешением теоретических вопросов, другие собирали, обобщали сведения, составляли библиографические указатели, и наконец, третьи прилагали к делу собранные сведения, нанося их на карту. Как рекомендовал Д.Н. Анучин, «карты отдельных местностей могут быть составляемы, конечно, только лицами хорошо знакомыми с краем, т[о] е[сть] местными археологами, которые могли бы отмечать известные им памятники и находки на 3-х или 5-ти верстной карте Генерального Штаба» [38, с. 7].

Для того чтобы «подвинуть дело составления археологических карт», МАО в 1888 г. разработало и напечатало анкету (19 вопросов) для выявления археологических памятников и предметов древности в регионах страны [39, с. 43]. МАО направило анкету своим членам, некоторым учреждениям, губернаторам, предводителям дворянств, статистическим комитетам, священникам, исправникам, учителям и частным лицам. Сбор сведений пытались осуществить без финансовых затрат, с помощью местных властей и археологов-любителей [34, с. 56]. К прежним пунктам о городищах и курганах, которые формулировались теперь гораздо детальнее, добавились вопросы о каменных орудиях, бронзовых изделиях, пещерах, старинном оружии, валах,кладах, каменных изваяниях, изображениях на камнях и скалах [2, л. 12–15 об.].

При условии, что респонденты ответственно подходили к заполнению анкеты, ответы на вопросы давали общие представления об археологических памятниках и отдельных находках, имеющихся на той

или иной территории. Имели место и отрицательные ответы «по нежеланию или неумению» [40, с. 71].

9 января 1890 г. в Москве начал работу VIII Археологический съезд, приуроченный к 25-летию Московского археологического общества. Председатель МАО П.С. Уварова в своем докладе подвела итоги деятельности Общества, в том числе по вопросу составления археологических карт России [39, с. 39].

По результатам анкетирования для VIII АС по 10-ти губерниям, 4-м уездам и 1-му округу были составлены подробные карты с пояснительными записками, которые были нанесены на 10-ти верстную карту И.А. Стрельбицкого. Составлены карты Вятской, Казанской, Киевской, Костромской, Могилевской, Московской, Тамбовской, Тобольской, Харьковской губерний. Карты уездов: Глазовского уезда Вятской губ., Валдайского уезда Новгородской губ., Ростовского уезда Ярославской губ. и Гдовского уезда Петербургской губ. Из округов была составлена карта только Енисейского округа. В дополнение к этому были проделаны частичные работы по изучению Волынской и Томской губерний, проводились подготовительные работы по составлению карт Пермской и Херсонской губерний [39, с. 44].

П.С. Уварова отмечала, что работа по составлению археологической карты нашла полнейшее сочувствие среди ученых, правительственных лиц, духовенства и других [39, с. 43]. Приняли участие также Саратовская, Рязанская и Тамбовская губернские ученые архивные комиссии [41, с. 123].

Работа была продолжена и после съезда. Из сохранившихся анкет 34 губерний были полностью составлены карты только 17. На 23 ноября 1895 г. А.А. Спицыным приводятся материалы, напечатанные по губерниям: Астраханской, Волынской, Вятской, Гродненской, Казанской, Курской, Нижегородской, Олонецкой, Орловской, Петербургской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Уфимской [42, с. 340–341]. На этом основании можно убедиться, что результаты анкеты не были отложены «в долгий ящик», и с интересом использовались в научных целях.

Ответы на вопросы анкет 1873 г. и 1888 г. по Самарской и Симбирской губерниям находятся в РО НА ИИМК РАН в фонде Московского археологического общества (Ф. 4) [3].

По Симбирской губернии копии анкет выявлены также в ГАУО в фонде Симбирского губернского статистического комитета МВД (Ф. 48) [6; 7]. В заполненных анкетах 1873 г., например, подробно перечисляются археологические памятники и находки из Буинского и Симбирского уездов (земляные насыпи, бердыши, пики, кости, секира из синего камня и т.д.) [7, л. 13–25, 30 об.]. Рассказываются предания о городках, урочищах Сенгилеевского уезда [7, л. 10–12 об.]. Удивительны некоторые заметки из Карсунского уезда: в селе Кошелевка Сосновской волости «некоторыми были сделаны раскопы с целью розыска кладов; но вместо того находили угли, которые удобные и употреблялись для сгорания самоваров» [7, л. 26 об.]. Во втором сообщении приводится рассказ крестьянина Константина Ларионова, который утверждал, что в одном из курганов лет тридцать тому назад действительно был клад, который «в виде серого барашка виделся во сне двум Кошелевским женщинам» (родственницам Ларионова). Барашек просил их прийти к кургану и воспользо-

зоваться им. Две женщины отправились за кладом в сопровождении Константина Ларионова, который «шел к кургану позади женщин, в почтительном расстоянии» и[,] когда пришел к самому кургану[,] женщины лежали без чувств на земле, потом они [опаматовались], сказали Ларионову, что серый барашек из кургана выходил и сказал им[:] "Рабы[,] вы погубили меня!"[,] затем [...] ушел в землю» [7, л. 26 об.]. Даже подобные сообщения имели место быть в официальных рапортах волостных старшин и уездных исправников. В дальнейшем материалы анкеты 1873 г. будут использованы при подготовке археологической карты Симбирской губернии.

В 1888 г. в Симбирское губернское правление с письмом графини П.С. Уваровой от 25 июня был прислан образец печатных вопросных листов Московского археологического общества [6, л. 3–4 об.]. Сведения о древностях собирались через губернский статистический комитет волостными старшинами, уездными исправниками и полицеймейстерами, и переданы графине с ответным письмом губернатором Симбирской губернии М.Н. Терениным в октябре 1888 г. [6, л. 38].

В ЦГАСО в фонде Канцелярии епископа самарского и ставропольского (Ф. 356) отложились рапорты священников и смотрителей духовных училищ, занимавшихся сбором данных для анкеты 1888 г. по Самарской губернии [20]. Заполненных анкет в фонде нет: они были отправлены епископом в МАО 17 января 1889 г. Сами рапорты интересны с точки зрения изучения процесса собирания сведений о древностях, так как в своих донесениях священники часто объясняют причины нарушения сроков отправки заполненных анкет; указывают на обстоятельства, помешавшие исполнить поручение; либо обращают внимание на пункты анкеты, которые им удалось заполнить. В некоторых случаях с готовыми ответами епископу переправляются артефакты: фрагмент кольчуги, бронзовый крест, монеты. Предметы были отправлены епископом самарским и ставропольским графине П.С. Уваровой вместе с ответами на вопросные листы [20, л. 70].

В Симбирске вопросом создания археологической карты губернии с 19 сентября 1895 г., практически с момента своего открытия (30 июля 1895 г.), озаботилась Симбирская губернская ученая архивная комиссия, председателем которой был избран камер-юнкер Двора Его Императорского Величества, статский советник, Владимир Николаевич Поливанов (1848–1915 гг.) [8, л. 8]. Он известен как археолог, этнограф, член-корреспондент бельгийского и французского обществ археологии, почетный член Петербургского археологического института, губернский предводитель дворянства в Симбирске (1898–1915 гг.), гофмейстер двора его императорского величества (с 1906 г.) и председатель Симбирского общества сельского хозяйства [9]. В.Н. Поливанов способствовал не только сбору сведений об археологических памятниках, но и росту археологического собрания музея архивной комиссии [31, с. 36]. Именно В.Н. Поливанов явился инициатором создания археологической карты Симбирской губернии. О подготовке данного труда он писал: «Составление археологической карты Симбирской губернии было предметом суждения одного из первых заседаний местной ученой архивной комиссии. Сознывая всю важность регистрации вещественных памятников,

комиссия, однако, не могла к ней приступить вскоре ввиду отсутствия необходимого на то материала. Разбросанные данные в печатных изданиях и случайные находки не могли еще служить, без должной проверки, основаниями к нанесению на карту соответствующих указаний» [43, с. I].

Для сбора сведений об остатках старины и определения их значимости СГУАК в феврале 1896 г. обратилась с анкетой, вопросы которой повторяли вопросы анкеты МАО 1888 г., во все волостные правления Симбирской губернии, к земским начальникам, священникам и учителям сельских школ. Заполненные анкеты с ответами, различными по полноте и содержанию, хранятся в Государственном архиве Ульяновской области в фонде СГУАК (Ф. 732) [10–19].

В Отчете СГУАК за 1896 г. отмечается, что «обращение это оказалось вполне целесообразным и в короткое время доставило массу новых сведений» [44, с. 5]. Например, Курмышское волостное правление сообщило об обнаружении крестьянами на пашне близ р. Суры пяти каменных молотков, медного кельта и серебряных монет [19, л. 23 об.]. Благодаря этому были найдены и другие древности, переданные в музей СГУАК. Из других уездов поступили сведения об остатках курганов, могильников, городищ, пещер; о находках кладов и артефактов. В ответах подробно описываются размеры, вид памятника, характер окружающей его местности и связанные с его происхождением легенды. Однако в некоторых случаях респонденты присылали Комиссии и вовсе пустые анкеты с сопроводительным письмом, где указывали, что древностей «не имеется» или «таковых не существует». Однако члены СГУАК остались довольны результатами и, преимущественно на основании известий, добытых от волостных правлений в 1896 г., посчитали возможным в скором времени приступить к составлению археологической карты Симбирской губернии [19, л. 22; 44, с. 5].

Помимо донесений волостных правлений Симбирской губернии об остатках старины, СГУАК опиралась на широкий круг и других рукописных источников. В основном, таковыми стали: сведения о древностях в Симбирской губернии, собранные Центральным статистическим комитетом в 1873 г.; топографическое описание Симбирского наместничества Т.Г. Масленицкого; сообщения членов Комиссии и других лиц о находках и памятниках старины.

Важной составляющей археологической карты Симбирской губернии стали научные работы члена СГУАК, в дальнейшем – товарища председателя (1904 г.) комиссии, ее руководителя (1917–1921 гг.), архивиста и историка Павла Любимовича Мартынова «Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде» [45], «Книга строельная г. Синбирска» [46], «Город Симбирск за 250 лет его существования» [47] и «Тагай, упраздненный город Симбирского уезда» [48]. Труды П.Л. Мартынова имеют большое значение для современных исследований по истории Симбирского Поволжья.

Некоторые сообщения о древностях взяты из печатных изданий, таких как: отчеты Императорской Археологической комиссии [49]; труды Археологических съездов; издания Академии наук; описания путешествий по России путешественников А. Олеария и Я.Я. Струйса, академиков И.И. Лепехина и П.С. Палласа, в XVII и XVIII вв.; журналы заседаний

Симбирской ученой архивной комиссии; газета «Симбирские губернские ведомости» и др.

За 1897 г. археологическая карта закончена не была, так как существовала вероятность нахождения археологических памятников при земляных работах во время сооружения железнодорожных линий на участке Рузаевка – Батраки с ветвью Инза – Симбирск (весна 1897 – декабрь 1898 г.) [50, с. 8]. СГУАК обратилась в общество Московско-Казанских железных дорог с просьбой о доставке в музей комиссии всех артефактов, которые будут обнаружены рабочими. Это обращение не осталось без результата. В музей СГУАК были доставлены: каменная ступня, найденная недалеко от села Ивановки Ключищенской волости Симбирского уезда; а также, по распоряжению симбирского губернатора В.Н. Акинфова – 13 редких и ценных медных русских монет, вырытых в Симбирске железнодорожными рабочими [50, с. 11].

На XX заседании комиссии, 11 января 1899 г., В.Н. Поливанов доложил о составленной им археологической карте Симбирской губернии. Расходы на издание карты изначально взял на себя предварительный комитет XI Археологического съезда в Киеве (1899 г.), которому В.Н. Поливанов посвятил свой труд, но «этого не состоялось». 7 января 1900 г. решено было напечатать карту на средства СГУАК и посвятить работу уже XII Археологическому съезду в Харькове [51, с. 28; 52, с. 31].

Археологическая карта Сызранского уезда с объяснительной запиской, составленная Елпидифором Степановичем Архангельским, в 1900 г. дополнила карту В.Н. Поливанова [53, с. 6; 54, с. 47]. В том же году описание археологической карты Симбирской губернии было напечатано в типо-литографии А.Т. Токарева в Симбирске.

Под руководством В.Н. Поливанова хранителем музея СГУАК Петром Александровичем Александровым производилось черчение карты вручную. Составитель не воспользовался печатной картой губернии, чтобы не было путаницы в обозначениях и на карте легче было отследить группировки археологических памятников. В этих целях на карту не нанесли ни одного географического названия, не упомянутого в пояснительном к карте тексте. Для легенды карты было решено взять правила и условные знаки французской системы, принятые уже для археологической карты Гродненской губернии Ф.В. Покровского (1895 г.) [55]; произвольно взяты несколько знаков, например: металлических изделий и оружия [19, л. 22–22 об.].

Содержание описания к археологической карте структурировано по уездам: Симбирский уезд, Сенгилеевский, Сызранский, Буинский, Корсунский, Алатырский, Ардатовский, Курмышский [43]. Для быстрой навигации по тексту составлены алфавитные указатели: географический (по местам находок) и предметный (по видам древностей).

До сих пор археологическая карта Симбирской губернии В.Н. Поливанова не теряет свою актуальность, исследователи вновь и вновь обращаются к ней. Да и сам В.Н. Поливанов не считал свой труд законченным, смотрел на него «как на подготовительную черновую работу, как на первый шаг к составлению археологической карты губернии» [19, л. 22].

В Самаре в конце XIX в. не было ни одного археологического общества, которое занялось бы раз-

работкой археологической карты Самарской губернии. Самарский музей, созданный 13 ноября 1886 г. П.В. Алабиным, формировал фонды за счет предметов, поступавших вследствие случайных находок, и собственной археологической практики не производил. Сам П.В. Алабин осуществлял первые разведки на территории Самарской губернии, собирал артефакты и опубликовал свод известных ему памятников археологии и предметов древности в 1895 г. [30; 56; 57]. В начале XX в. археологические раскопки совершались в основном приезжими исследователями и губернскими археологическими комиссиями Саратова и Симбирска. Самарская губернская ученая архивная комиссия была создана только в 1914 г. (распущена в 1917 г.), и особой роли в археологическом изучении края не сыграла [27].

В РО НА ИИМК РАН и ОПИ ГИМ хранятся дела из архива МАО (искусственно разделенного в 1920-х гг.), свидетельствующие, что приблизительно в 1908 г. археологическую карту Самарской губернии составили агроном Василий Александрович Миллер (1878–1943 гг.) [4; 29, с. 114] и его брат, будущий археолог, на тот момент еще студент Московского университета, Михаил Александрович Миллер (1885–1968 гг.) [1; 27, с. 10–11]. Оба приходились братьями известному этнографу, археологу, кавказоведу – Александру Александровичу Миллеру [58]. В Самаре В.А. Миллер прожил около двух лет, приехав в город не позднее 1906 г. [27, с. 7]. В конце того же года в Самару приехал и М.А. Миллер.

Карта существует в двух вариантах: один текст за формальным авторством Василия, другой – Михаила. Очевидно, карта составлялась ими обоими и дорабатывалась в течение нескольких лет эпизодических работ в Самарской губернии (1906–1908 гг.). Тексты братьев одинаковы по структуре: «Каменный век», «Бронзовая и железная культура», «Курганы (или по-местному "мары")» – у В.А. Миллера [4]. «Каменный век в самарской губернии», «Находки бронзовой и железной культуры в Самарской губернии», «Курганы и городища в Самарской губернии» – у М.А. Миллера [1]. В большей части в содержании дублируются описания археологических памятников, приводится одинаковая цитата из «Полного описания нашего Отечества» В.П. Семенова (Тян-Шанского) [1, л. 7–7 об.; 4, л. 1].

Вариант карты В.А. Миллера представляет собой машинописный текст с описанием археологических памятников. Картографический материал В.А. Миллера пока не выявлен, но говорить о его наличии можно по содержанию работы: «Отметки на карте мест нахождения курганов сделаны на основании сведений, сообщенных мне А.А. Спицыным...» [4, л. 2], «Кроме перечисленных здесь курганов, на прилагаемой [карте] отмечены и еще некоторые группы, замеченные частью при разъездах [по] губернии, частью на основании опросов» [4, л. 3 об.].

Текст М.А. Миллера написан чернилами от руки аккуратным почерком и также предполагает наличие картографического материала: «На археологической карте отмечены следующие пункты: ...» [1, л. 8]. К тому же, М.А. Миллер делал фотографии некоторых описываемых предметов древностей, и занимался фотофиксацией на месте проведения собственных исследований (это следует из текста источника).

При написании текста В.А. Миллер опирался на работы под редакцией В.П. Семенова (Тян-Шанского) [59], П.И. Даченко [60], И.А. Протопопова [61, с. 72]; на личные сообщения А.А. Спицына (который являлся сотрудником Императорской Археологической комиссии и мог анализировать все сообщения о случайных находках в стране), П.А. Преображенского, заметку в Самарской газете от 24 августа 1903 г. № 163 [62, с. 3].

Оба автора упоминают собственные исследования. В.А. Миллер пишет: «Мне [...] пришлось раскопать только один курган в Самарском уезде, на урочище Барбашина Поляна, – близ Самары. Там обнаружилось погребение [далее слово зачеркнуто, неразборчиво] (отчет будет представлен в И.А.К.). Затем в 1907 г. я присутствовал при раскопке кургана в Бузулукском уезде, и результаты, полученные там, аналогичны предыдущему» [4, л. 2 об.]. В.А. Миллер упоминает поездку М.А. Миллера в Бузулукский уезд в мае 1907 г., в район села Коновалово (Коноваловка) [4, л. 1–1 об.]. М.А. Миллер, в свою очередь, помимо исследований близ Коноваловки (пески «Ласка-Панда», «Захрен-Калма», «Вергизен-Панда») указал на проводимые им «обследования» станции Марычевки [1, л. 12–17; 64].

В карте Миллеров описание древностей начинаются с перечисления неолитических находок долин рек Самарки, Кинеля и Томашки. Говорится о неолитических стоянках близ с. Егорьевки, на левом берегу р. Кинель, о которых сообщил заведующий Самарским музеем П.А. Преображенский; о кремневых находках с левого берега реки Бузулук (близ д. Скворцовки) и с левого берега реки Съезжей (близ д. Усманки); кремневых предметах, найденных: близ с. Проскурино Бузулукского уезда; близ железнодорожной станции Кинель; на урочище Барбашина Поляна; в Николаевском и Новоузенском уездах [1, л. 7 об.–8; 4, л. 1–1 об.].

К бронзовым и железным культурам авторы относят древности из Бугурусланского (железный обоюдоострый меч, и такой же – в Самарском уезде), Бузулукского (бронзовые идолы и бурханы; вещи из кургана близ Крыловского хутора и кургана Железный Мар; артефакты, найденные близ деревень Пьяновка и Новотоцкое, сел Богатое и Липовка), Николаевского (золотая чаша и бронзовое зеркало с территории Столыпинских минеральных вод; бронзовые предметы из горы Шишка около д. Орловки), Новоузенского (случайные находки близ г. Новоузенска, с. Алексашино), Самарского (предметы, найденные близ д. Пустынковой, г. Самары, с. Старый Буян, железнодорожной станции Кинель) уездов [1, л. 8–8 об.; 4, л. 2].

С Муранским могильником в Сызранском уезде Симбирской губернии, исследованным В.Н. Поливановым, В.А. Миллер сравнивает мордовский могильник XIII–XIV вв. на урочище Барбашина Поляна, где в 1907–1908 гг. археологические раскопки поочередно предпринимали В.Н. Глазов и В.А. Миллер [26, с. 69].

А.А. Спицыным было сообщено В.А. Миллеру, что в 7 верстах от г. Самары к северу от станции Кряж, недалеко от впадения р. Самарки, при выборе балласта, на глубине 1,5 аршин нашли человеческие кости, в том числе черепа. Неподалеку найдены были: скелет лошади, железная сабля и золотая серьга в виде колечка с зернчатым кубиком. А.А. Спицын указал также на крестовое городище у с. Кайбелы Ставропольского уезда [4, л. 2]. Отмечается, что го-

родища в Самарской губернии известны еще близ Алексеевска, Царева, Водяного, Каменки и Черновой [4, л. 2]. М.А. Миллер в своей работе ссылается на труд К.И. Невоструева, где описаны городища Ставропольского уезда Самарской губернии [1, л. 10; 63]. Сами городища он не перечисляет.

Говоря о курганах (марах), Миллеры пишут о раскопках профессора Казанского университета Н.Ф. Высоцкого близ Нового Буяна на земле А.К. Ушкова [1, л. 11–11 об.; 4, л. 2 об.]. Есть упоминание «Железного мара» в Бузулукском уезде, Крыловского кургана, курганов, расположенных недалеко от с. Мордово-Озера, с. Лопатина, Бобровки, Спиридоновки, Черноречья, Красного Яра, Алексеевки, Водянки, Харьковки, колонии Гасбург, с. Мосты и др. [4, л. 3–3 об.]. Отмечены и еще некоторые группы курганов, замеченные частью при разъездах по губернии, частью на основании опросов [1, л. 9 об.–11 об.].

По итогам работы братьев над археологической картой Самарской губернии были составлены два варианта карты. В перспективе дальнейшего изучения архивных источников: поиск картографического и фотографического материала археологической карты Миллеров.

Очередные действия для составления археологической карты Самарской губернии были предприняты Федором Тимофеевичем Яковлевым – сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете, действительным членом Псковского археологического общества, Новгородского общества любителей древности, Самарской губернской архивной комиссии и секретарем Самарского археологического общества (САО). В докладе председателю Самарской ГУАК С.А. Хованскому от 30 декабря 1914 г. Ф.Т. Яковлев перечисляет известные ему курганы и другие археологические памятники, замеченные неподалеку от станций Самаро-Златоустовской железной дороги [22, л. 4 об.–5 об.]. Например, он указывает на остатки вала и укрепления рядом с железнодорожной станцией Сургут; могильник при станции Тимашево; курганы близ станций Липяги, Бугуруслан, Муханово, Кряж, села Черемшан и т.д. [22, л. 5–5 об.]. Ф.Т. Яковлев пишет: «В данное время я имею уже собранный запас материалов к описанию Самарского края, так что к осени 1915 года могу таковой представить для просмотра Самарской ученой архивной комиссии» [22, л. 6 об.]. Он также выражает уверенность, что «... в недалеком будущем будет собран для печати огромный запас материалов по исследованию Самарского края» [22, л. 6 об.].

Осенью 1916 г. на общем заседании САО Ф.Т. Яковлев прочел доклад «Об остатках древности и старины в Самарской губернии», где представил объяснительный текст к археологической карте Самарской губернии «Сведения о городищах, курганах, случайных археологических находках и т.д.» [21, л. 22–26; 26], а также условные знаки и обозначения для легенды карты [21, л. 34–34 об.]. В карту вошли сведения о костяных и каменных орудиях, стоянках людей каменного века, курганах, кладбищах, городищах, глиняной посуде, камнях и крестах с надписями и рисунками; о находках оружия, доспехов, кладов, церковных вещей, украшений, костей исчезнувших животных, окаменелостей и проч. [21, л. 23]. Известные городища и курганы Ф.Т. Яковлев нанес на карты уездов Самарской губернии, подразумевая,

что «"Сведения о городищах, курганах, случайных археологических находках и т.д." не есть законченное и подробное обозрение всех исторических и археологических достопримечательностей губернии: это весьма неполное и беглое описание некоторых из них; не более как опыт к составлению со временем настоящих карт и более подробного обозрения Самарской старины» [21, л. 25].

Д.А. Сташенков отмечает, что основные сведения об археологических памятниках были получены на основании результатов анкетирования, проводимого САО. Из всех материалов наиболее подробной оказалась информация о памятниках Новоузенского уезда Самарской губернии, собранная членом Саратовской архивной комиссии А.А. Гераклитовым [26, с. 69–70].

Материалы археологических карт В.А. Миллера, М.А. Миллера и Ф.Т. Яковлева не были введены в научный оборот, дальнейшая публикация и изучение архивных источников позволит улучшить понимание уровня археологической науки начала XX века.

Подводя итог, отметим, что Самарский и Симбирский регионы находились на разных уровнях вовлеченности в общероссийские процессы развития археологической науки. В Симбирске с 1895 г. существовала губернская ученая архивная комиссия, ведавшая не только вопросами сохранения и обработки архивных и исторических документов, но и решавшая задачи изучения археологических памятников, накопления древностей в музее комиссии; в то время как Самарская губернская ученая архивная комиссия была образована только в 1914 г. и археологией не занималась. Самарское археологическое общество было создано в 1916 г. и не успело развернуть масштабные исследования в крае [24]. При подготовке археологической карты Симбирской губернии основной массив сведений об остатках старины почерпнут из результатов анкетирования 1873 и 1896 гг., анкеты 1888 г. не использовались. Именно СГУАК во главе с председателем В.Н. Поливановым являлась инициатором и составителем археологической карты Симбирской губернии в конце XIX в., первые же попытки создания археологической карты в Самаре были предприняты спустя несколько лет и относятся к деятельности братьев В.А. и М.А. Миллеров (1907–1908 гг.) и члена Самарского археологического общества, созданного в 1916 г., Ф.Т. Яковлева, который в своем труде, как и СГУАК, использовал метод анкетирования (1914–1916 гг.).

Список литературы:

1. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 104. Оп. 2. Д. 44. Л. 1–17.
2. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 12–15 об.
3. РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 178.
4. РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 178А. Л. 1–3 об.
5. РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 208.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–39.
7. ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–30 об.
8. ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 439. Л. 1–12 об.
9. ГАУО. Ф. 477. Оп. 3. Д. 152. Л. 1–12.
10. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–313 об.

11. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–27 об.
12. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–34 об.
13. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–49 об.
14. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–52 об.
15. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–26.
16. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–51 об.
17. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–36 об.
18. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–35 об.
19. ГАУО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–59 об.
20. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 356. Оп. 1. Д. 209.
21. ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 3.
22. ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2.
23. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.
24. Крайнова Т.В. Самарское археологическое общество (1916–1919) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1995. С. 134–136.
25. Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археология в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 10–16.
26. Сташенков Д.А. Археологические исследования в Самарской губернии в 1910–1920-е гг. // 1917 год: российская археология на переломе эпох: мат-лы междунар. науч. конф. М.: ИА РАН, 2017. С. 69–71.
27. Сташенков Д.А. Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике. Самара: СНЦ РАН, 2011. 96 с.
28. Серых Д.В. Археологические съезды и развитие музейного дела в России // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 367–379.
29. Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
30. Серых Д.В. Новые документы об археологической и музейной деятельности П.В. Алабина // Самарский край в истории России: мат-лы межрегион. науч. конф., посв. 180-летию со дня рожд. П.В. Алабина. Вып. 2. Самара: Типография ООО «Глагол», 2004. С. 151–169.
31. Гисматулин М.Р. Из истории формирования археологической коллекции музея Симбирской ученой архивной комиссии // Материалы третьей научной конф., посв. ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2006. С. 36–39.
32. Щавелев С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // Советская археология. 1992. № 1. С. 255–262.
33. Миронов В.Г. У истоков саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М.: ГИМ, 1998. С. 147–153.
34. Вдовин А.С., Колонцов С.В. «Полицейская» археология (на сибирских материалах второй половины XIX – начала XX века) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Вып. 7. Новосибирск: НГУ, 2011. С. 54–60.
35. Писарева О.К. Анкета 1888 года Московского археологического общества как источник информации об археологических памятниках // Международная полевая школа в Болгаре: сб. мат-лов итоговой конф. Казань, Болгар: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015. С. 257–262.
36. Доленга-Ходаковский З. Отделение 1. Атлас исторический, географический, археологический, с объяснением: [карта 3] Указание с обозрением славянского городства в Северо-Западной части России по первому описанию в 1822 г. Ходаковского; [карта 4] Славянские городища по исследованию Ходаковского; [карта 5] Образчик городища по рисунку Ходаковского. Дьяково // Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. М.: Синод. Тип., 1871. Т. 3.
37. Уваров А.С. О деятельности предстоящей Московскому археологическому обществу // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1. М., 1865. 473 с.
38. Анучин Д.Н. К вопросу о составлении легенды для археологической карты России (по доисторической археологии). М., 1884. 8 с.
39. Уварова П.С. Отчет о действиях Предварительного Комитета // Тр. Восьмого Археологического Съезда в Москве, 1890. Т. 4. М., 1897. С. 38–48.
40. Протокол заседания Комиссии по составлению археологической карты // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Вып. 2. М., 1890. С. 71–80.
41. Отчет о состоянии и деятельности Общества в 1888–89 гг. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Вып. 2. М., 1890. С. 112–130.
42. Щавелев С.П. Переписка А.А. Спицына и Д.Я. Самоквасова // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911). Курск: Изд-во КГМУ, 2007. С. 338–344.
43. Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900. 71 с.
44. Отчет о деятельности СГУАК за 1896 год. Симбирск, 1897. 22 с.
45. Мартынов П.Л. Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде. Издан. Симбир. Ученой Архив. Комм. 1896. 30 с.
46. Мартынов П.Л. Книга строельная г. Синбирска. Симбирск: Губ. земская типография, 1897. 123 с.
47. Мартынов П.Л. Тагай, упраздненный город Симбирского уезда. Симбирск: Типо-лит. А.Т. Токарева, 1898. 26 с.
48. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск: Изд. Симбир. Ученой Архив. Комм. 1898. 400 с.
49. Отчеты ИАК за 1875–1900 гг. СПб., 1891–1902.
50. Отчет о деятельности СГУАК за 1897 год. Симбирск, 1898. 37 с.
51. Журнал XX-го заседания СГУАК 11 января 1899 года // Отчет о деятельности СГУАК за 1899 г. Симбирск, 1900. С. 27–33.
52. Журнал XXIII-го заседания 7 января 1900 г. // Отчет о деятельности СГУАК за 1900 г. Симбирск, 1901. С. 29–34.
53. Отчет о деятельности СГУАК за 1900 г. Симбирск, 1901. 56 с.

54. Журнал XXV-го заседания от 19 июня 1900 г. // Отчет СГУАК за 1900 г. Симбирск, 1901. С. 44–48.

55. Покровский Ф.В. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1895. 165 с.

56. Алабин П.В. Древности, найденные в Самарской губернии и хранящиеся в Самарском Публичном музее. Самара, 1895. 19 с.

57. Алабин П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884. С. 1–7.

58. Решетов А.М. Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музейвед (к 125-летию со дня рождения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 8–16.

59. Ососков П.А., Коростелев Н.А., Гаврилов Н.Г. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. В 19-ти т. Т. 6:

Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Изд. А.Ф. Девриена. СПб., 1901. 599 с.

60. Даценко П.И., Прасолов Л.И. Материалы для оценки земель Самарской губернии. 2 т. Самара: Земская тип., 1903–1906.

61. Протопопов И.А. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1900 году секретарем Самарского губернского статистического комитета И.А. Протопоповым. Самара: Губ. тип., 1900. XXXIX, 520 с.

62. Самарская газета от 24 августа 1903 г. № 163. 1903. 4 с.

63. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М.: Синодальная типография, 1871. 112 с.

64. Записка М.А. Миллера // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 22, вып. 1. М., 1909. С. 125–128.

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–40115.

THE FIRST ATTEMPTS TO CREATE ARCHAEOLOGICAL MAPS OF SAMARA AND SIMBIRSK GOVERNORATES AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

© 2019

Sukhova Olesya Konstantinovna, master student of Domestic History and Archaeology Department
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper discusses the experience of Russians and their attempt to create the first archaeological maps of Samara and Simbirsk Provinces, organized by V.N. Polivanov from Simbirsk and V.A. Miller and F.T. Yakovlev from Samara at the end of the XIX–XX centuries. The author introduces an archaeological map used by V.A. Miller and M.A. Miller into science. Due to the unpublished archival materials the author identifies the sources of information used to compile the archaeological map of the Simbirsk Province. For example, the use of a questionnaire describes the first steps in the centralized collection of information on ancient monuments in the Russian province in the 19th century. The questionnaires of the Central Statistical Committee of 1873 and the Moscow Archaeological Society of 1888 are noted for solving the problem of creating archaeological maps of individual provinces. For example, the questionnaires of the Simbirsk provincial scientific archival commission of 1896 solved the map problem of the Simbirsk province. The time gap is considered between the creation of provincial scholars of archival commissions in Samara and Simbirsk, organizations that were not only in-charge of the preservation and processing of archival documents, but were involved in archaeological research and conducted activities to study antiquities. It is summarized that the Samara and Simbirsk provinces were at different levels of involvement in the all-Russian processes, but, one way or another, prerequisites were laid in both provinces for drawing up plans for further archaeological study of the two regions.

Keywords: questionnaire from 1873; questionnaire form 1888; archeology; archaeological map; V.A. Miller; M.A. Miller; questionnaires of 1896; V.N. Polivanov; provincial scientific archival commission; provincial statistical committee; questioning method; Moscow Archaeological Society; monuments of archeology; Samara province; Samara Museum; Samara Archaeological Society; Simbirsk province; F.T. Yakovlev.

* * *

УДК 94

DOI 10.24411/2309-4370-2019-14207

Статья поступила в редакцию 01.10.2019

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЕПИСКОПАТА КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

© 2019

Зайцева Ирина Валерьевна, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
(г. Белгород, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы становления епископата одного из крупнейших деятелей Александрийской церкви Кирилла Александрийского. В работе представлены результаты проведенного анализа текстов «Церковных историй» Сократа Схоластика, Евсевия Кесарийского, Иоанна Никиусского, в которых обозначены ключевые вопросы формирования властных отношений в александрийском